

БАЛЕТНАЯ КРИТИКА

УДК 793

«ЕЕ НЕ ЛЮБИТЬ НЕЛЬЗЯ...»: УЛНОВА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Комлева Г. Т.¹

¹ Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, ул. Зодчего Росси, 2,
Санкт-Петербург, 191023, Россия.

Статья посвящена уникальному дару великой балерины Галины Улановой. Известнейшая советская артистка балета была также балетмейстером и педагогом. Самая титулованная балерина за всю историю отечественного балета, она также была одной из величайших мировых балерин XX столетия. Анализируя роли, исполненные великой балериной, автор статьи, также известнейшая балерина Г. Т. Комлева, подходит с позиции собственной исполнительской практики.

Ключевые слова: Галина Уланова, балет, «Бахчисарайский фонтан», Фенстер.

“IT'S IMPOSSIBLE NOT TO LOVE HER...”: ULANOVA IN MY LIFE

Komleva G. T.¹

¹ Vaganova Ballet Academy, Rossi St., 2, Saint-Petersburg, 191023, Russian Federation.

The article is devoted to the unique gift of the great ballerina Galina Ulanova. The most famous Soviet ballet dancer, she was also a choreographer and teacher. The most titled ballerina in the history of Russian ballet, she was also one of the greatest ballerinas of the 20th century. Analyzing the roles played by the great ballerina, the author of the article is also the famous ballerina G. T. Komleva approaches from the position of her own performing practice.

Keywords: Galina Ulanova, ballet, “The Fountain of Bakhchisarai”, Fenster.

Не многие становятся символом эпохи. Еще реже рождаются кумиры нации. И только единицы удостоены стать лицом цивилизации. Уланова всё это

объединила. Она вошла в нас, в наше существо, стала неотъемлемой частью нашего (не только советских людей) внутреннего мира. За рубежом познакомились с ее феноменом поздно, но и там она своим скромным, тихим, не атакующим танцем взорвала привычное представление о возможностях балета, об их божественной сути. Потрясение было сопоставимо с тем, которое испытал мир в начале XX века, в годы Дягилевских сезонов. И то, и другое несло свет и правду, надежду на будущее — всё это человечество к тому времени подстерьяло, и основательно.

А для советской эпохи, во многом замечательной, но особой, Уланова стала камертоном эмоциональной полноты жизни и стабильности духовных ценностей. В атмосфере социального диктата и классовых предпочтений, ограничения диапазона человеческих возможностей, жесткой дисциплины она предъявила недостающее (понимание того, что лирические эмоции, переживания человека и в таких условиях не менее значимы и многое определяют. И как убедительно, художественно, как совершенно!) Тут она не была одинока. Достаточно вспомнить Сергея Есенина, Анну Ахматову, Марину Цветаеву, Александра Вертиńskiego, многих других.

Уланову мое поколение боготворило с детских лет. Когда я училась в Хореографическом училище, Галина Сергеевна уже пребывала в Москве и у нас появлялась редко. Впервые увидела ее в «Бахчисарайском фонтане». И задыхнулась от счастья! Нам, ученикам старших классов, примостившимся на ступеньках галерки, потерявшим дар речи, даже не нужно было ничего обсуждать: хотелось одного — сохранить это впечатление в себе как обретенное богатство. Не верилось, что подобное возможно. И такая рождалась гордость за нашу профессию!

А в театре мне сразу по приходу поручили Марию в «Бахчисарайском фонтане»: главный балетмейстер Б. Фенстер видел во мне лирическую героиню и намеревалсяставить для меня гоголевский «Невский проспект». Приготовила роль с опытнейшим, привередливым Борисом Васильевичем Шавровым, будущим свекром. Неудовольствий с его стороны не последовало. Недовольна была я, и от спектакля отказалась. (Начинающая — от ведущей партии!)

Коронная роль Улановой, восхитившая меня, жила в моей памяти, сковывала и подавляла. Решила: «Нет, состязаться с уникальным мастером не могу. Более того, от гипноза ее совершенства — деревенею».

Следующие встречи, уже личные, состоялись после замужества, когда я вошла в семью Шавровых. Галина Сергеевна появлялась в этом доме. С Борисом Васильевичем в свой ленинградский период она танцевала; их соединяли дружеские и очень теплые отношения. Но он мог (на правах старшего) свою любимицу мягко пожурить. Только что в кино отсняли «Шопениану» с Улановой. «А Вы ведь, Галюша, здесь это иначе танцевали», — укорял быв-

ший партнер. «Кто в Москве эти тонкости понимает?», — отшучивалась Галина Сергеевна.

Уланова заняла в Большом театре особое место, оправдывала оценку Алексея Толстого — «обыкновенная богиня». Были роли, исполнение которых считалось совершенным и было признано каноническим, эталонным, обязательным для всех. Это относилось прежде всего к ее Жизели, Марии и Джульетте. Она действительно являлась кумиром и зрителей, и профессионалов. Были у нее и такие поклонники, для которых ее искусство было главным в их жизни, отодвигало всё остальное на второй план. С некоторыми из них я познакомилась в Москве.

Воскресный дневной спектакль в Кремлевском дворце съездов, гастроли Кировского, танцую «Спящую...»... Прошло всё благополучно, но сцена — особенная, непривычная (боишься здесь затеряться). В гостиницу не спешу. Не торопясь вымылась, тщательно избавляясь от золотой пудры в волосах. Тут же в роскошной столовой пообедала. Меня узнавали, благодарили за спектакль. Нога за ногу, часа через два с половиной выхожу на улицу. А там — ливень. Группа людей прячется от него под навесом крыши. И вдруг направляется ко мне: оказывается, ждут именно меня. Стали благодарить за «Спящую...». Признались: ценят музыкальность и чистоту танца, ленинградский стиль исполнения. Уверяли, что моя Аврора пришла им по душе.

Позднее выяснилось: новые знакомые обладали отменным вкусом. Они сообщили, что их кумиром была Уланова. Ни одного ее спектакля они не пропускали, ночами простоявали за желанными билетами. Именно ее танец открыл им глаза на искусство балета. Но Уланова два года назад покинула сцену. Большой театр без нее для них осиротел. С тех пор они стали моими поклонниками, а затем и друзьями, зачастили в Ленинград на мои спектакли. Так круг людей, которые особенно ценили мое искусство, расширился. В Ленинграде то были, прежде всего, поклонники Дудинской; теперь добавились москвичи (они, шутя, называли себя «улановским министерством»).

В Варне на Международном конкурсе артистов балета в 1966 году состоялась памятная встреча с Улановой: она возглавляла авторитетнейшее жюри. Меня послали туда неожиданно и сообщили об этом поздно, в последний момент (не исключаю, что в театре такому выбору долго противились). Ни времени, ни возможности подготовиться у меня и партнера Виталия Афанаскова не было: шли напряженные зарубежные гастроли, мы полетели на конкурс прямо оттуда. Составил нам программу руководитель балетной труппы К. М. Сергеев. Впервые требовалось исполнить наряду с академическим репертуаром современную хореографию. Константин Михайлович предложил нам центральный дуэт героев из своего балета «Тропою грома» — сложного и выразительного, интересно поставленного хореографом. Там обнаружива-

лось: вспыхнула любовь у белой девушки и темнокожего юноши (а это запретно, карается смертью). Конкурс проходил на открытой площадке в парке, намазаться Виталию «мазилкой» не удалось (негде было потом вымыться). Потому партнер остался белым. Всё утратило смысл, осталось непонятым.

Конкурентами были очень сильные москвичи Нина Сорокина и Юрий Владимиров. Их тщательно подготовил Алексей Ермолаев. Он и тут их опекал и с ними репетировал, и программу придумал очень выигрышную. За современную хореографию выдал па-де-де из «Пламени Парижа», давно признанного советской классикой. Мы же с Афанасковым были брошены, предоставлены сами себе; с нами никто не работал, и тут у нас пособников не было.

Москвичам, на мой взгляд, справедливо, достались высшие награды. Меня отметили серебром, партнера — бронзой. Неожиданное случилось на заключительном концерте. Я танцевала крохотную вариацию Авроры из последнего акта «Спящей...». Зал устроил мне овацию, не отпускал, заставил выходить кланяться снова и снова. Зрители, по сути, демонстративно устроили обструкцию жюри, не согласившись с его оценкой. Позднее то же самое произошло на Московском конкурсе с Евой Евдокимовой. Кто-то винил Галину Сергеевну в выборе предпочтений. У меня же не было ни обид, ни претензий.

И вот, наконец, встреча с Улановой в работе. Меня Большой театр приглашает на гастроль станцевать Аврору. Репетировала с Г. С. Улановой и Ю. Н. Григоровичем. Мой дебют в этой партии готовили в Ленинграде Н. М. Дудинская и К. М. Сергеев. И тут, в Москве, было полное взаимопонимание: никаких расхождений ни в танцевальном тексте, ни в его интерпретации. Уланова, при всей требовательности, оставалась мягкой, душевной в общении, как бы лучилась изнутри и была довольна результатом. И Юрий Николаевич был удовлетворен (настолько, что предложил мне перейти в Большой театр). Но я не могла изменить ни городу, ни своему ментору Дудинской.

На мой спектакль пришла Майя Плисецкая, досидела до конца (говорили, что ревниво следила за моими танцами). В конце пришла за кулисы, поздравила меня и как бы мимоходом (а это было главным!) бросила: «А к музыке-то надо быть внимательней!» Значит, у несравненной московской дивы представление о Чайковском и Петипа было своим, расходилось с пониманием Улановой, Дудинской, Сергеева, Григоровича, а теперь вот, и моим!

Уникальный дар Улановой ценили и «верхи»: официоз всегда удостаивал ее высших наград. Она первой из балетных артистов получила звание Героя Социалистического Труда. И я, и Шавровы радовались этому. А затем, в семидесятилетие, высокое звание было присвоено повторно. А это значило, что ее скульптурный портрет бюст должен был украсить Аллею Героев в Парке Победы. Выполнил его Михаил Аникушин. Уланова приехала на открытие памятника в ее честь. Мне поручили выступить от театра с привет-

ствием. Увы! Репетиция с подопечными задержалась, а потом были пробки на Московском проспекте. В итоге — я опоздала. Было очень жаль. Но праздник удался. А бюст? Мне показалось — не лучшая работа замечательного, любимого мною скульптора.

Уланова в качестве балетмейстера-репетитора работала со многими выдающимися артистами, и работала чрезвычайно успешно. Чего стоит только один блестательный, обожаемый мною дуэт Володи Васильева и Кати Максимовой! Галина Сергеевна способствовала их расцвету. Но начинающие вырастали в мастеров, и ею начинали тяготиться. Побеждала тяга к самостоятельности.

У великого мастера копились обиды и неудовлетворенность. Когда я встречала Уланову в Большом театре, она подолгу не отпускала меня. Ей надо было выговориться. Ей, признанной «великой молчальницей»! Время разделяло ее и следующие поколения исполнителей. Я понимала Галину Сергеевну, потому что прошла через это и сходное испытала.

Уланова зачастила в Ленинград: вспомнила, что она — ленинградка. Часто приходила ко мне на репетицию, своими ощущениями и высочайшим профессионализмом помогала молодым глубже проникнуть в материал. Никогда расхождений у нас не было. Нас объединяла, думаю, родная школа и понимание существа танца.

Уланова идеально воплотила пушкинское: «душой исполненный полет». Да, они оба, поэт и танцовщица, несомненно, сродни, как основа нашей культуры. Хочется включить сюда и Чайковского — убедительный союз!

ЛИТЕРАТУРА

1. Комлева Г. Танец — счастье и боль. Из дневников петербургской балерины. СПб.: Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, 2019. 288 с.

REFERENCES

1. Komleva G. Tanecz — schast` e i bol`. Iz dnevnikov peterburgskoj baleriny` . SPb.: Akademiya Russkogo baleta imeni A. Ya. Vaganovoj, 2019. 288 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Комлева Г. Т. — Народная артистка СССР; sokolovkaminsky@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komleva G. T. — People's Artist of the USSR; sokolovkaminsky@gmail.com